

Переславские находки

Шаляпиниада

О Фёдоре Ивановиче Шаляпине написано много. Мы хорошо знаем этого необыкновенно-го человека и певца, о котором Максим Горький сказал: «В русском искусстве Шаляпин — эпоха, как Пушкин». Но меньше было известно о жизни Шаляпина вне сцены. В воспоминаниях его дочери, Ирины Фёдоровны, рассказывалось о том, что он часто отдыхал в наших краях — на своей ратухинской даче. В Переславль-Залесском музее напоминали об этом кресло из обстановки дачи, несколько театральных открыток и автограф великого артиста в книге посещения музея-усадьбы Петра Первого «Ботик» 28 мая 1905 года.

с. 187

Наши краеведы решили обследовать бывшее имение Шаляпина Ратухино, ныне находящееся в Ростовском районе Ярославской области, обошли окрестные селения, немало часов провели у дочери певца, у вдовы Горького — Е. П. Пешковой.

Поиски были не напрасны. Воспоминания крестьян, встречавшихся с Шаляпиным, личные вещи, фотографии, письма, документы по-новому осветили жизнь артиста и его друзей на ратухинской даче в 1905—1917 годы.

Впервые приехав в эти места к художнику К. Коровину, Шаляпин был очарован берегами Клязьменской Нерли, крутыми обрывами, сосновым бором, необозримыми просторами заречной поймы. Он уговорил художника уступить ему участок земли. Ярославские плотники брата Чесноковы по проекту Коровина срубили дачу в виде причудливого русского терема. Местные крестьяне говорили нам: «Жена-то Шаляпина была Иёла, вот дом-то и в ёлку».

А. М. Горький не одобрял покупку земли. В июне 1904 года он писал жене: «Фёдор купил-таки имение, дурачина». Но у Шаляпина были свои, по тем временам достаточно веские причины приобретения: великий русский певец не имел «голоса» в царской России. Выходец из податного сословия, он в официальных документах должен был подписываться не иначе, как «крестьянин Фёдор Иванов Шаляпин», хотя и носил почётное звание артиста императорских театров. Чтобы получить право прибавить к своему отчеству суффикс «ич», он должен был иметь имущественный ценз — сделаться владельцем значительного количества земли или иного недвижимого имущества.

Постепенно Шаляпин стал округлять свои владения, прикупая земли у соседей-помещиков. Вот план земли, купленной 1 июля 1905 года. Бывший владелец подписывает: «Отставной артиллерии поручик дворянин Николай Николаевич Полубояринов», покупатель — «крестьянин Фёдор Иванов Шаляпин».

Шаляпин узнаёт, что через его владение прогоняют скот жители деревни Старово. Он решает подарить прогон соседям, но оказалось, что не имеет права: дарить могли только дворяне. Тогда Шаляпин предложил обмен землями.

с. 188

В деревне Старово Ф. Ф. Кратин передал нам любопытный документ, найденный на чердаке дома, — копию «Определения Ярославского губернского присутствия, заседания 3 декабря 1905 года». В ней говорится:

Губернское правление слушали дело об обмене угодий между обществом крестьян Ростов. уезда, Карашской вол., дер. Старово, с крестьянином-собственником Вятской губ., Возгальск. вол., дер. Сырцово, Фёдором Ивановым Шаляпиным. Обстоятельства дела: быв. государственные крестьяне уступают Шаляпину участок земли мерою в 3 десятины 120 сажень, [3,3 га] а Шаляпин предоставляет крестьянам участок мерою в 4 десятины 1445 сажень. [5 га] Обмениваемую

землю общество постоянно держало в аренде с целью свободного прогона скота. Рассмотрев дело, Губернское присутствие находит, что вымениваемый обществом участок у владельца Шаляпина в пустоши Овсянниковой всего в количестве 4 десятин 1445 сажень удобной земли вполне отвечает общественным интересам...

Этот документ показывает, как чутко отнёсся Шаляпин к нуждам соседей — отдал почти пять десятин удобной земли взамен трёх десятин оврагов и буераков. По сути дела, Шаляпин ежегодно дарил крестьянам по 500 рублей, которые раньше они платили за право прогонять скот через его земли.

Это был последний документ, где Шаляпина называли «Фёдор Иванов». К 1906 году его владения увеличились, и в № 11 «Владимирских губернских ведомостей» от 10 марта он уже именуется полным отчеством в списке на право участия в выборах гласных в Переславское уездное земское собрание. А доведя своё владение до 200 десятин [219 га] земли, Фёдор Иванович Шаляпин получил право избирать и в Государственную думу. Наконец-то певец обрёл «голос»!

Крестьяне очень любили Шаляпина. Его бывший кучер В. Блохин вспоминал, как жители деревни Старово у станции Итларь каждый год встречали Шаляпина с хлебом и солью, причём сами делали деревянные солонки. Одна из них, выжженная и раскрашенная, с инициалами «Ф. Ш.», находится в нашем музее.

Мне рассказывали, как Шаляпин вместе с крестьянами косил, пел для них, тушил деревенские пожары, гулял на «престольных праздниках». Только удивлялись: «Придут Шаляпин и Коровин с семьями в петровки на реку Ремжу, где каждый год бывало гулянье. Мы в тот день одевались в покупное, получше, а Шаляпин с детьми — в деревенской пестряди, в портах да в лаптях. Чудил Фёдор Иванович! А уж запоёт — всё позабудешь!» Несколько фотографий напоминают об этом: Шаляпин с дочерьми Ириной и Лидией, сыном Борисом в холщовых рубахах, в лаптях...

Утвердившись в Ратухине, Шаляпин сделал визиты местным «властям» в Переславле-Залеском.

Однажды, — рассказал мне один переславский старожил, — городской голова, фабрикант Павлов, явился в Общественное собрание и, представив Фёдора Ивановича Шаляпина как нового помещика, заказал для всех присутствовавших ужин. За ужином было изрядно выпито. Захмелевшие купцы попросили Шаляпина спеть. Тот наотрез отказался, но предложил изобразить исправника Тихомирова, спяна задремавшего на диване, в точности изобразил его. Потом Шаляпин несколько раз пел в особняке Павлова, а мы слушали его, стоя на улице.

На даче Шаляпина собирались его друзья — М. Горький, В. Серов, С. Рахманинов, К. Коровин и другие. Приятели зачастую отчаянно спорили, иногда ездили в Ростов Великий слушать колокольные звоны или посидеть в библиотеке. Об этом вспоминает М. А. Шумилина-Благовещенская, которая рассказала, между прочим, и о том, как однажды писатель корил певца за то, что тот «зачитал» редкую библиотечную книгу на итальянском языке.

Гости Шаляпина много охотились и рыбачили. Природа в тех местах была изумительная, особенно у мельницы Новенькой на Нерли. Её изобразил декоратор Большого театра художник П. И. Внуков на своей оригинальной картине-вышивке. А с фотографий смотрит Шаляпин с ружьём и с собакой в лесу, рядом, в витрине, его охотничьи принадлежности — ягдташ, патроны, дробь и берет, в котором снят; он же, пробующий уху из чугунка...

В нашем музее на столе-витрине теперь можно увидеть почтовую открытку из Англии от Шаляпина «его высокоблагородию» Борису Шаляпину, которому в то время было шесть лет; бланк телеграммы Коровина на имя Шаляпина с приглашением поехать на именины к управляющему Большим театром Теляковскому; галстук-бабочку артиста; ноты с надписями от авторов; ленту от театрального венка и другие экспонаты.

Рядом — застеклённый шкаф с фотографией интерьера дачной столовой. Кувшинчик-квасник — его можно разглядеть на снимке — показан теперь и в натуре.

Бывший шаляпинский адвокат М. Г. Бедросов передал для музея огромный фаянсовый кувшин, из которого Шаляпин на даче ежедневно обливался холодной водой, а также фотографию: молодой человек в картузе, холщовой рубахе, портах, онучах и лаптях стоит на фоне берёзок, заложив руки за голову, — приготовился петь.

Что-то удивительно знакомое напоминает эта фотография! Ну конечно: добавь бороду, всклокоченную причёску — перед нами будет кузнец Ерёмка из оперы Серова «Вражья сила». Эту эпизодическую роль Шаляпин буквально превратил в один из центральных образов спектакля...

И ещё один примечательный экспонат. А. М. Горький был страстным коллекционером. Если заглянуть в его квартиру на улице Качалова в Москве, можно поразиться обилию разнообразных коллекций: фарфора, статуэток, изделий из кости, металла, дерева. Но это только остатки. Собирая порой уникальные вещи, Горький часто дарил их друзьям. Так, он преподнёс Шаляпину коллекцию оружия прошлого века. Она «гостила» в Ратухине, потом вернулась в Москву, на Новинский бульвар (ныне улица Чайковского), где жил Шаляпин. Часть этой коллекции он впоследствии подарил сыну Горького — М. А. Пешкову. Недавно, после создания шаляпинской экспозиции, коллекция вернулась в Переславль-Залесский. Её передала нам сноха Горького — Н. А. Пешкова.

От дачной обстановки уцелело немного: кресло, зеркальный шкаф, маленький письменный стол, портьеры из мешковины, вышитые по эскизам В. Серова в стиле «модерн» дочерью Фёдора Ивановича, да ещё бюст Шаляпина, вылепленный с натуры скульптором Кавалеридзе во время гастролей в Киеве. А вот дача — чудо-терем — не сохранилась...

Дом К. А. Коровина, «виновника» приезда сюда Шаляпина, в деревне Охотино цел. Он построен в 1915 году по проекту самого художника и своим фасадом напоминает его эскиз декорации к первой картине первого действия оперы «Евгений Онегин». В доме размещалась сельская школа, недавно закрытая. Это здание предполагается перевезти на территорию Переславль-Залесского музея.

Качалов и Кардовские

Краеведы знают, какое огромное удовольствие — встречи с новыми, интересными людьми. Так случилось и на этот раз, когда мы пришли в квартиру В. В. Шверубовича на улице Чайковского в Москве.

Вам знакома эта фамилия, читатель? Русский актёр Шверубович носил эту фамилию до 1896 года, пока не стал артистом Суворинского театра в Петербурге Василием Ивановичем Качаловым. В 1900 году он перешёл в Московский Художественный театр, где наиболее полно развернулось его дарование. Небывалой высоты сценическое искусство Качалова достигло в советское время. Он был народным артистом СССР, орденоносцем, удостоен Государственной премии.

И вот мы у его сына — Вадима Васильевича.

Всё здесь дышит воспоминаниями о великом артисте: дарственные книги, памятные фотографии, письма его друзей, мебель, посуда, даже такие «мелочи», как спичечница и пенсне.

Василий Иванович никогда не бывал в Переславле-Залесском, но... он и сейчас там. В названном именем переславца, известного советского художника и педагога академика живописи Д. Н. Кардовского художественном отделе нашего музея есть портрет Качалова. Великий актёр изображён сидящим в кресле перед зеркалом в своей артистической уборной.

Писала это полотно профессор живописи О. Л. Делла-Вос-Кардовская — жена академика.

Семьи Василия Ивановича и Дмитрия Николаевича были связаны не только дружескими, но и родственными отношениями. Они часто гостили друг у друга. Как-то в начале 1925 года Ольга Людвиговна написала «портрет» знаменитого качаловского пса Джима. Именно портрет — настолько хорошо переданы в нём облик и характер собаки. Глядя на этот шедевр акварели, обязательно вспомнишь стихи Сергея Есенина, обращённые к этому псу. Они написаны рукой поэта, карандашом, внизу «портрета»: «Дай, Джим, на счастье лапу мне...»

Качалов дружил с Есениным, относился к нему с симпатией и искренне любил как поэта.

Во второй половине декабря Василий Иванович готовил роль императора Николая в спектакле МХАТа «Николай I и декабристы». Постановка была художественно оформлена Кардовским в очень короткий срок. Одним из инициаторов приглашения Кардовского в МХАТ являлся Качалов.

В музее хранится благодарственное письмо К. С. Станиславского: «Примите нашу искреннюю благодарность за Вашу отзывчивость и за готовность помочь нашему театру. Простите за то, что ввиду спешности постановки... мы не могли предоставить Вам всего того, что тре-

бывалось, и принесли Вам немало огорчений». Письмо датировано 25 декабря 1925 года, когда в нашей стране отмечалось столетие восстания декабристов.

Посещение Вадима Васильевича Шверубовича было весьма полезным, ибо наш музей обогатился несколькими примечательными личными вещами и фотографиями великого артиста. Вот качаловское пенсне без оправы с прямоугольными стёклами, в котором он много раз играл и был снят на десятках фотографий. А вот маленький глобус, а на самом деле — механизм для заточки карандашей, привезённый из гастрольной поездки в Ригу. Вадим Васильевич рассказал, что глобус-точилка, стоявший на письменном столе отца, привлекал внимание многих, в частности Кардовского, восхищавшегося остроумной выдумкой латышей.

Оригинальна плоская спичечница для бывших одно время в моде бумажных — «жилетных» — спичек. Ведь Качалов был филуменистом и даже устроил в 1924 году выставку своей коллекции спичечных этикеток. Интересны автографы Качалова, и среди них — переписанное его рукой выступление в радиопередаче, посвящённой встрече челюскинцев в Москве. Как известно, он был прекрасным чтецом и очень часто выступал в эфире. А вот и курительная трубка, с которой В. И. Качалов играл роль Карено в пьесе К. Гамсуна «У врат царства» с 1908 до 1947 года — целых тридцать девять лет!

Особенное внимание привлекают две фотографии. На одной Качалов изображён в роли Николая I, в мундире, специально сшитом по эскизу Кардовского, на другом — снят вместе с народным артистом СССР Ю. М. Юрьевым.

Мы прощаемся с Вадимом Васильевичем. Он добродушно сетует на то, что вот опять пришлось ему поделиться какой-то частью памятных вещей отца, что их остаётся всё меньше и меньше, но он от души передаёт эти вещи музею. А я от лица переславцев сердечно благодарю его за подарки, говорю о том, что в древнем Переславле-Залесском знают, помнят и любят Василия Ивановича Качалова.

Колёса

Однажды в селе Даратники — бригаде колхоза имени Кирова — я услышал историю, показавшуюся мне невероятной, легендарной: будто бы колёса сельской пожарной повозки прислал сам Владимир Ильич, и было это в 1920 году.

Много позже мне удалось установить истину, познакомившись с архивом старого коммуниста, персонального пенсионера Дмитрия Семёновича Модина, скончавшегося в марте 1962 года в Москве. Архив его поступил в Переславль-Залесский историко-художественный музей и состоял из воспоминаний, фотографий, подлинных документов, в числе которых находился расходный ордер за номером...

Впрочем, расскажем всё по порядку.

Десятилетним мальчиком Миня Модин, сын крестьянина-бедняка, как и большинство его сверстников, отправился в Москву на заработки. Митю устроили через родню учеником буфетчика в один из московских ресторанов.

Февральская революция застала Модина в Харькове уже солдатом. Там его выбрали членом ротного суда и одновременно в Харьковский Совет рабочих и солдатских депутатов. В первой половине октября 1917 года он выполняет приказ Харьковского Военно-Революционного Комитета о доставке оружия отрядам красногвардейцев местного паровозоремонтного завода.

В январе 1918 года Дмитрий возвращается в село — там подходила к концу делёжка земель помещиков князей Енгальчевых и Львовых. Он привёл в порядок хозяйство престарелого отца, посеял, собрал урожай и снова уехал в Москву.

По зову сердца Дмитрий Модин вступает добровольцем в Первый Московский революционный полк, а в начале 1919 года в числе отличных бойцов направляется на Первые Московские пулемётные курсы командного состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии, созданные по инициативе В. И. Ленина. Они размещались в казармах против здания Арсенала в Кремле.

Курсанты в ту пору довольно часто встречались с Владимиром Ильичём. Лучшие удостаивались чести стоять на карауле у входов в правительственные учреждения Кремля, перед дверьми, ведущими в квартиру Ильича.

В неопубликованных воспоминаниях Д. С. Модина читаем:

В марте 1919 года, в день смерти Якова Михайловича Свердлова, я был назначен в караул: стоял внизу, у центрального подъезда здания правительства. Я как раз сменился и ждал, пока

сменяются товарищи наверху. В это время в подъезд вошёл Владимир Ильич с двумя-тремя товарищами, у Владимира Ильича был вид расстроенный. Он спросил меня: «Слышали несчастье какое случилось?» Я говорю: «Не слышал». — «Яков Михайлович Свердлов умер».

Другой раз курсант впервые стоял на посту у квартиры Ленина. Ровно в восемь часов утра дверь открылась и вышел Владимир Ильич. Он поздоровался с часовым и осведомился:

— Газеты ещё не подавали?

— Нет, товарищ Ленин.

— Только, пожалуйста, не задерживайте их. Как подадут газеты — позвоните.

С тех пор курсанту Модину приходилось часто стоять на этом посту.

Когда в начале 1920 года у Дмитрия умер отец, он выхлопотал кратковременный отпуск и поехал на родину. Семья — мать и сёстры — терпела страшную нужду. Мужики-соседи, узнавшие, что Модин учится «в самом Кремле», жаловались на несправедливость при проведении продразвёрстки. Тщательно проверив заявление земляков, Дмитрий посоветовал подать его в Секретариат кабинета Ленина, поручив доставку ему.

Известно, как быстро откликнулся Ленин на жалобы простых людей. Возмущённый перегибами в деле даратниковских крестьян, Владимир Ильич вызвал по телефону Модина и спросил:

— Товарищ Модин! Действительно ли всё так произошло?

Курсант подтвердил.

Тут же по телефону Ленин связался с народным комиссаром продовольствия А. Д. Цюрупой и потребовал немедля расследовать это дело. В итоге Владимирский губернский революционный трибунал наказал виновных по заслугам.

Модина очень волновало бедственное положение семьи. Срочно надо было помочь починить развалившуюся телегу, заменить износившийся хомут. Но на «чёрном рынке» ничего подходящего не было, да и курсантского жалования не хватило бы на такие покупки.

Заметив подавленное состояние курсанта, комиссар пулемётных курсов спросил, что его так удручает. Дмитрий объяснил. Тот задумался, потом посоветовал написать заявление и передать его в Приёмную Ленина.

Меры были приняты как всегда быстро. Курсанта Модина попросили зайти в Приёмную. Он тотчас явился. Пока вёл разговор с секретарём, из кабинета вышел Владимир Ильич и, передав Дмитрию какую-то записку, спросил:

— Вы Москву хорошо знаете?

Модин кивнул.

— Тогда пойдите сами в Козицкий переулок, — продолжал Ленин, — где был магазин Елисеева. Там вас удовлетворят.

Обратившись к секретарю, он добавил:

— Позвоните сейчас, пожалуйста, товарищу Ходсону.

Это был начальник «Мострамота», учреждения, ведавшего всем транспортом Совнаркома и Моссовета — гужевым и автомобильным.

В руках курсанта оказалась служебная записка на бланке за номером 129831: «Просьбу тов. Модина удовлетворить». Он стал горячо благодарить Владимира Ильича, но тот, помахав рукой, скрылся в кабинете.

Модин помчался по названному Лениным адресу и получил там «Расходный ордер № 24317 Транспортного отдела Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, от 26 марта 1920 года», со ссылкой на номер ленинской служебной записки. По нему и выдали кремлёвскому курсанту со склада колёса и хомут.

Они были переправлены в село Даратники. Хомут в хозяйстве пригодился, а вот колёса оказались слишком тяжёлыми для крестьянской телеги — её непосильно было тащить модинской лошадёнке.

Колёса попали в повозку для сельской пожарной машины. А для семьи курсанта мужики нашли более лёгкие.